

Эсфирь Коблер

**Странники среди звезд.
Семейные хроники**

Эсфирь Коблер

Странники среди звезд.

Семейные хроники

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816644
Странники среди звезд. Семейные хроники: Авторское;*

Аннотация

Все мы странники среди звезд. Мы пришли ниоткуда и уйдем в никуда. Мы не знаем своей дороги, мы не знаем своего пути. Единственное, что мы можем – это познать самих себя.

«Познай самого себя – на самом деле означает, что звезды, например, мы можем тоже, конечно, познать, но это очень далеко от нас. И поэтому, то же самое, столь же существенное, что вытекает из познания звезд, можно извлечь, углубившись в близкое, в себя. В том смысле, что мы можем стать людьми.

Человеческое появляется тогда, когда появляется связь с чем-то вневременным. Само по себе время несет хаос и распад (неопределенность). А если есть человек, то есть и какая-то упорядоченность...»

Мераб Мамардашвили

Содержание

Странники среди звезд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эсфирь Коблер

Странники среди звезд.

Семейные хроники

Цикл «Попытка семейной хроники» – собрание новелл, в которых заложено желание осмыслить жизнь и историю семьи на фоне сложной истории России XX века. Рассказ о людях ярких, сильных, необычных – дань памяти последующих поколений.

В бумажной версии часть цикла вошла в сборник «Плоть времени».

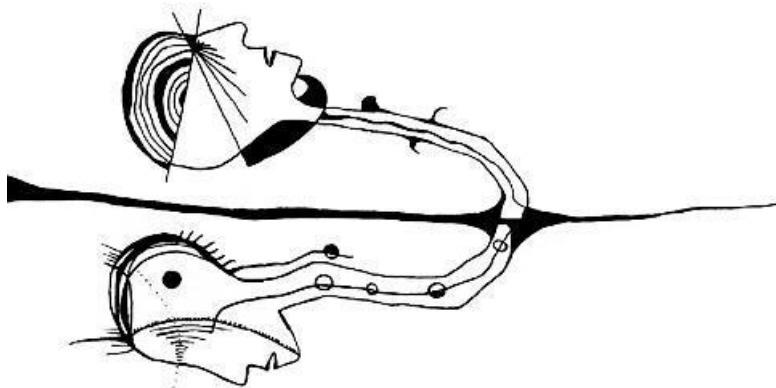

Рисунок Марии Ефремовой

Странники среди звезд

Все мы странники среди звезд. Мы пришли ниоткуда и уйдем в никуда. Мы не знаем своей дороги, мы не знаем своего пути. Единственное, что мы можем, – это познать самих себя. «Познай самого себя – на самом деле означает, что звезды, например, мы можем тоже, конечно, познать, но это очень далеко от нас. И, поэтому то же самое, столь же существенное, что вытекает из познания звезд, можно извлечь, углубившись в близкое, в себя. В том смысле, что мы можем стать людьми. Человеческое появляется тогда, когда появляется связь с чем-то вневременным. Само по себе время несет хаос и распад (неопределенность). А если есть человек, то есть и какая-то упорядоченность». Так писал великий философ Мераб Мамардашвили.

Время и человек – понятия между собой связанные, хотя в определенной системе координат время объективно, а человек всегда субъективен. В познании себя нас множество и мы похожи, но в этом – познай – мы индивидуальны и одиноки. Нельзя познать за меня, нельзя понять за меня, нельзя любить за меня, в этом Я индивидуален, одинок, личностен. И еще нельзя помнить за меня. Все приходит вместе со мной, и уходит вместе со мной. Память не сохранится не только обо мне, но и моя индивидуальная. Но где-то там, среди звезд, хранится все то, что есть Я. Даже зафиксировав слово, мы за-

будем его на земле, оставим во времени, но там, среди звезд, оно сохранится обязательно. Недаром порыв евреев к единобожию так тесно был связан со Словом. Господь сказал, и Авраам уводит народ свой в пустыню, бросая город и блага его во имя Слова Божьего. Моисей выводит народ свой из Египта в землю обетованную, повинуюсь Слову Божьему, но оставляет в самом Египте порыв к Богу Единому.

* * *

Жарким июльским вечером 1911 года в российской глупинке, в черте оседлости, в еврейском городке Николаеве играли на скрипке, били в бубны, посвистывали на флейте; раввин прочитал молитву и пожелал счастья молодым, а также много детей, чтобы они радовали душу и украшали дом. Но только странная это была свадьба. Глаза невесты сверкали огнем, пышные черные волосы, собранные в высокую прическу, еще больше подчеркивали стройность ее фигуры, но вот только невесте было 41 год¹, а жениху всего 28 лет и он вовсе не выглядел счастливым. Это были мой дед, которого в нашей семье никто не видел и не знал, и моя бабка Рахиль, чья страстность, властность, сильный характер, прочитываются даже на фотографиях. Ей было 24 года, возраст замужества, когда умерли родители, и на ее руках остались шестеро младших братьев и сестер.

В конце девятнадцатого века эта молодая девушка сумела

не растеряться, не пойти по миру, а получить специальность массажистки и повивальной бабки, поднять всю семью на ноги, дать возможность выжить, получить образование и продлить свой род. Но молодость ее прошла. И что же? Младшая сестра, достигнув зрелости и самостоятельности, нашла себе прекрасного жениха. Вот теперь, когда они выбились в люди и держали шляпный магазин не только в Бердичеве, Одессе, но и в самой Москве, именно теперь этот приказчик, получивший образование за границей, прекрасно играющий на пианино, немного рисующий, сочиняющий стихи, такой умный, начитанный, утонченный, он должен достаться Розе? Нет – это ее приз. Сначала должна выйти замуж старшая сестра, в конце концов, таков древний обычай. И вот теперь она выходит за него замуж. «Иаков полюбил Рахиль и сказал Лавану: Я буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою. И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показали ему за несколько дней, потому что он любил ее...» Через семь лет сыграли свадьбу. Утром же оказалось, что это Лия... В нашей семье роль Лавана сыграла сама Рахиль¹.

А ровно через год, переехав в Одессу, в присутствии Одесского раввина она потребует от своего мужа расписку, которая до сих пор хранится в нашей семье, что он, Яков Кобылер, не будет претендовать на сына, который должен ро-

¹ Точный возраст Рахили и Розы определить трудно. В Военное время документы были утеряны, а возраст они то убавляли, то прибавляли, в зависимости от обстоятельств.

даться (непременно сын) и к его воспитанию не будет иметь никакого отношения. Расписка эта датирована июлем 1913 года, а когда в декабре родился мой отец, то его воспитывали две женщины – собственная мать и тетка Роза, которая считала этого мальчика, рожденного от любимого человека своим собственным сыном.

Она никогда не выйдет замуж. Всю свою жизнь она посвятит воспитанию моего отца, а когда он умрет – его памяти. А его мать, моя бабушка Рахиль, отравилась через 40 дней после смерти сына. Ей было 84 года, и она не хотела больше жить. Тетка провела на кладбище последние пять лет своей жизни и, умирая, вероятно почувствовала облегчение. Меня же три года, а мне было 9 лет, когда умер отец, держали в своеобразном заточении: закрытые шторы, ни радио, ни телевизора, мне разрешали только ходить в школу и читать книги, пока я не взбунтовалась. Во мне вспыхнул тот бешеный гнев, который был присущ моему отцу, и портил жизнь этому необыкновенно умному и чистому человеку. Отец многое не успел сделать: он мечтал увидеть мир, но умер за железным занавесом, он хотел написать книгу, но не успел, он хотел уехать в Израиль, но за него это сделала моя старшая сестра, которая так не хотела уезжать. Она была тяжело больна. В России начала 90 годов ей не удалось бы выжить, в Израиле ей продлили жизнь. Выстрадав свою жизнь в России, там, в стране обетованной, она умирала, примиренная с Богом, еврейка, принявшая христианство, она была счастлива тем, что обо-

шла все святые места, и все же, умирая, говорила мне: «Хоть на день бы в Россию».

Страшно то, что сестра знала, что умирает, душа ее долго протестовала, но, смирившись, она приняла смерть легко, только очень тосковала по России. Странная, противоречивая страна.

Пожалуй, ни один спектакль не производил на меня столь сильного впечатления, имел столь решающее действие на мою судьбу, как инсценировка «Маленького принца» на сцене сельского клуба в российской глухой деревне на краю казахских степей. В сорокаградусный мороз маленький зал сельского клуба был полностью заполнен. Пахло жареными семечками и свежей краской. Я не помню имени мальчика, который играл одновременно и Принца и Лиса. Можно говорить о мастерстве маститого актера, о культуре, традициях, темпераменте и т. д., но как рассказать об игре мальчика-подростка? Он не перевоплощался, он жил на сцене.

Никакой мастер не в силах так играть, как жил на сцене мальчик с тонким светящимся лицом. Он был уверен, он знал, что все люди хотят, чтобы их приручили. Это так просто и почти невозможно. Помните, Лис говорит: «Узнать можно только те вещи, которые приручились. У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где тор-

говали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня! Если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится». И весь зал замер при этих словах. Не потому, что публика неискушенная, а потому, что этот мальчик так сказал слова, как не под силу иногда даже великому актеру. Вот почему моя сестра так скучала по России. Где еще в сорокаградусный мороз на сцене маленького клуба самодеятельный актер так сыграет Экзюпери?

Можете ли вы представить в другой стране философа, писателя, затерянного где-то в лесной глуши или бесконечных степях, знающего, что никогда не опубликуется, никогда не увидит своих произведений или размышлений в печати, но упрямо пишущего в стол, для себя?

Наташа похоронена в Иерусалиме, на православном кладбище в греческом монастыре, который стоит ближе всего к Сионской долине, куда Господь прейдет, чтобы судить всех последним судом.

Увидеть Иерусалим и умереть... В Россию она не успела приехать...

Люди, о которых я рассказываю, весьма необычны, разновелики по уровню таланта, ума, образования, а между тем они, как и тысячи других, не состоялись, ушли в небытие, не оставив следа. Значит, принадлежат к той колоссальной мас-

се людей, которую мы называем мещанством. Сточки зрения высокой поэтики, если следовать словам Германа Гессе, «мещанин по сути своей – существо со слабым импульсом к жизни, трусливое. Боящееся хоть сколько-нибудь поступиться своим «я», легко управляемое, большинство интеллигентов, подавляющая часть художников принадлежит к этому типу (Степного волка). Лишь самые сильные из них вырываются в космос из атмосферы мещанской земли, а все другие сдаются или идут на компромиссы, презирают мещанство и все же принадлежат к нему, укрепляют и прославляют его, потому что, в конечном счете, вынуждены его утверждать, чтобы как-то жить. Трагизм этим бесчисленным людям не по плечу, по плечу им, однако, довольно-таки злосчастная доля в аду, в котором довариваются до готовности и начинают приносить плоды их таланты... У всех этих людей, как бы не назывались их деяние и творения, жизни, в сущности, вообще нет, то есть их жизнь не представляет собой бытия, не имеет определенной формы, они не являются героями, художниками, мыслителями в том понимании, в каком другие являются судьями, врачами, сапожниками, учителями, нет, жизнь их – это вечное, мучительное движение и волнение, она несчастна, она истерзана и растерзана, она ужасна и бессмысленна, если не считать смыслом как раз те редкие события, деяния, мысли, творения, которые вспыхивают над хаосом такой жизни».

Это определение нескольких поколений, это проклятый

XX век, пронесшийся над Россией, как ураган, сметающий все на своем пути; это время, уничтожавшее творческое начало слабых, зато вознесшее сильных духом. «Степной волк» ведь сказал нам о том, что есть времена, когда «целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность».

Но я хочу рассказать о тех, кто даже в такое время сохранили свою личность. Личность, согласно Лосскому, «есть существо, обладающее творческой силой и свободой; она свободно творит свою жизнь, совершая действия во времени и в пространстве». И хочется посмотреть – каков же этот акт собственного со-творения.

«Идеал красоты, – пишет Лосский, – осуществлен там, где действительно осуществлена всеобъемлющая абсолютная ценность совершенной полноты бытия, именно этот идеал реализован в Боге и в Царстве Божием. Совершенная красота есть полнота бытия, содержащая в себе совокупность всех абсолютных ценностей, воплощенная чувственно».

В своей жизни мы должны стремиться к полноте бытия. Только тогда она осуществится, но почти всегда, когда жизнь уходит, мы понимаем, что этого не произошло.

Моя жизнь прошла не так, как должна была пройти. В детстве мне были присущи какие-то любопытные особенности. Я помню себя месяцев примерно с восьми. Мы жили в глухой

молдавской деревне, куда буквально убежали из Москвы, я помню, что проснулась ночью с неудержимым желанием – непременно быть на улице, увидеть то, что мне неизвестно. Когда тебе 7–8 месяцев есть только один способ заставить себя услышать – заплакать. Моя мать решила, что у меня болят уши и, завернув в одеяло, вынесла меня на улицу. Я увидела то, что хотела увидеть, но еще не знала этого: я увидела звезды. Огромные, сияющие на фоне черного неба, они казались такими близкими! И еще одно воспоминание: мне, видимо, год... Меня везут на телеге, я лежу на сене лицом вверх и вижу над собой бесконечно чистое синее небо... , когда я, много лет спустя, читала у Толстого о небе Аустерлица, открывшемся перед князем Андреем, мне было понятно все, что чувствовал он. «Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нему серыми облаками... Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его».

Еще одна из моих особенностей открылась несколько позже: я умела читать чужие мысли, чувствовать, не переживать, а именно чувствовать, чужие ощущения. Мне было девять лет, когда умер мой отец. Его увезли на «скорой» с подозрением на инфаркт. Воспользовавшись тем, что в доме нет взрослых, я вертелась перед зеркалом и вдруг в зеркале увидела, как умирает отец. Пока я была подростком, эти особенности заставляли меня отдаляться от детей и жить своей

замкнутой жизнью. Но я так настрадалась от одиночества в детстве, что в годы юности я захотела быть такой как все: иметь семью, детей, друзей. Я подавила все, что мне дано было от природы, я выбрала себе обыденную жизнь и это была моя самая большая ошибка. Замечательная фраза «жизнь Ивана Ильича была самая обыкновенная, то есть (и потому) самая ужасная» просто не воспринималось мной во всей ее суровой правде. Когда я добавила к тексту Льва Толстого слово – и потому – только тогда я поняла, насколько это соответствует всему, что произошло со мной. Только в моменты сильных любовных переживаний я вновь возвращала себе и ясновидение, и вещие сны. К сожалению, люди, которые любили меня или которых любила я, мало разбирались во всем этом. Они пугались проявлений непонятного, говорили мне о скромности, о том, что таких вещей в нормальном состоянии не бывает, о том, что надо жить как все... «Мудрость, которую мудрец пытается передать другому, смахивает на глупость». Герман Гессе, как всегда, прав.

Теперь подобные явления называются модным словом – «проскопия», а тогда за такие штучки можно было и в психушку попасть. Проскопия, как ее определяют, – сверхчувственное восприятие, это некое получение информации через психику определенного человека. Предсказание событий касается как будущего, так и прошлого, то есть будущее предсказывается, а прошлое провидится. Сколько событий прошлого покрыто тайной, которую хочется или нужно

узнать!

Мой отец был историком и, несомненно, обладал даром проникновения в будущее и прошлое. По-видимому, он не отдавал себе в этом отчета. Просто все считали, а так оно и было, необыкновенно умным человеком. Он всегда предсказывал, что рано умрет, и умер в 45 лет. На могиле отца друг его юности с такой характерной фамилией – Рабинович – многое рассказал мне об их юности. Отец тогда был высок, черноволос, голубоглаз – очень красив и необыкновенно умен. Они поступили в Историкоархивный институт в 1933 году и после экзаменов как Герцен и Огарев поднялись на Воробьевы горы, чтобы поклясться в вечной дружбе и верности, и любви к Родине. Когда в 1937 году они окончили институт и вновь поднялись на Воробьевы горы, отец, глядя на расстилавшуюся перед ними Москву, которую он очень любил, предсказал что будет с этой страной ближайшие 20 лет: новые лагеря, массовые аресты, войну, легкую оттепель после смерти Сталина, а дальше он ничего не мог сказать. Неудивительно. Он умер в 1958 году.

Многое предвидя, он смог спасти от ареста и лагеря сначала одну любимую им женщину, а через некоторое время другую. Первая жена отца, Лиза, мать моей старшей любимой сестры, приехала из Польши вместе со своей семьей и подругами в 1934 году. Эти еврейские юноши и девушки уехали из предфашистской Польши в Советский Союз – стро-

ить коммунизм. Судьба тех, кто остался в Польше, хорошо известна: все их родственники, друзья и подруги погибли в Освенциме. Но и до этого, как рассказывала тетя Лиза, если еврейские дети учились в одной гимназии с поляками, они должны были стоять весь урок, они не имели права сидеть в присутствии поляков. Понятно, что приехав в Советский Союз они по-своему были счастливы. Но после ареста Бухарина все изменилось. Все, кто так или иначе был связан с Бухариным или деятельностью Второго Интернационала, все были арестованы. Посадили и расстреляли брата тети Лизы, Брука, активного деятеля Интернационала; посадили в психушку одну из ее подруг, и она провела там всю жизнь, до конца 60-х годов, пока тетя Лиза не нашла ее; отправили в лагерь еще одну ее подругу, удивительную женщину, с которой я познакомилась в конце 60-х и была поражена ее умом, задором, жизнелюбием, благородством. Как когда-то декабристы, вернувшись из ссылки, стали нравственным идеалом для целого поколения, так и эти люди, прошедшие лагерь, были духовными наставниками шестидесятников.

Но вернемся к отцу. Когда арестовали брата тети Лизы, а он входил в ближайшее окружение Бухарина, отец просто-напросто посадил Лизу и ее мать на телегу и увез в какую-то деревню. Там они жили пол года. За это время к ним три раза приходили из НКВД, но так и не смогли найти их, когда компания кончилась, отец привез их домой.

Еще Миша Рабинович рассказывал мне там же, на могиле

отца, как он, верный данной им клятве любить Родину, добровольцем ушел на фронт, служил десантником, был ранен, получил орден. Мой отец, который почти ослеп перед войной, – у него была опухоль мозга, – был отправлен в тыл. Его удачно оперировали, вернули зрение, но, в сочетании с большим сердцем, это сделало его негодным к военной службе. Учитывая его способности и диссертацию, которую, к сожалению, он так и не успел защитить – «Русские архивы эпохи Ивана Грозного» – отца отправили в эвакуацию в Киргизию, в город Ош с архивами НКВД. Там, кстати, он и познакомился со своей второй женой, моей матерью. Можно себе только представить, что он прочел в этих архивах, если, – я уже хорошо помню это, – когда отец садился в электричку, – а жили мы в подмосковном поселке с историческим названием Тайнинская, – и, увидев знакомое лицо, он громко говорил: «Как я рад тебя видеть, давай поговорим по-еврейски, как я ненавижу советскую власть». Если я скажу, что было это в 1955 – 56 годах, то понятно, почему собеседник бледнел и скисал.

С Мишей Рабиновичем после войны, поступили соответственно национальному признаку. Вернувшись в 1945 году из эвакуации в Москву (надо понимать с сохраненным архивом НКВД), отец стал одним из организаторов Музея истории и реконструкции Москвы. Когда Миша Рабинович вернулся с фронта со всеми своими медалями и ранениями, отец взял его к себе в музей, но в 1947 году уже начала разворачи-

ваться компания борьбы с безродными космополитами. На собрании, все мы теперь знаем, как проходили подобные собрания, осудили безродного космополита Рабиновича и постановили, что надо уволить его с работы как недостойного заниматься советским музейным делом. Мой отец был единственным человеком, который встал и сказал, что если многоуважаемый коллектив не устраивает человек воевавший, раненый, получивший награды, то он, безродный космополит, не проливавший кровь за Родину, тоже не имеет права на столь ответственную работу. До конца жизни отец так и не смог больше найти достойную работу, а Рабиновичу, к счастью, повезло больше. В конце 50-х годов он попал в Исторический музей, где и работал до самой смерти в 70-е годы.

«Эта эпоха никак не могла понять и усвоить, что все мы, люди, приходим от Адама, все мы связаны родством, что уже генетически доказано, созданы Богом по образу и подобию Его. Вначале, у истоков, откровение бытия было непосредственной данностью. Грехопадение открыло перед нами путь, на котором познание и имеющая конечный характер практика, направленная на временные цели, позволили нам достигнуть ясности.

На завершающей стадии мы вступаем в сферу гармонического созвучия душ, в царство вечных духов, где мы созерцаем друг друга в любви и безграничном понимании.

Все это символы, а не реальность. Смысл же доступной эмпирическому пониманию мировой истории – независимо

от того, присущ ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми, – мы постигаем, только подчинив ее идее исторической целостности...

И тогда перед нашим взором разворачивается такая картина исторического развития, в которой к истории относятся все то, что, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном процессе человеческой истории и является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия». (Карл Ясперс).

К сожалению, в те времена историю понимали несколько иначе, впрочем, и сейчас полно фальсификаторов. Цена исторических фальсификаций – миллионы человеческих жизней.

Мой отец, измученный и больной, зная лучше, чем кто бы-то ни было, о времени и нравах, запретил мне и старшей сестре даже думать о гуманитарных ВУЗах, понимая, что именно стремление к гуманитарному познанию может сломать нам жизнь. Сестра послушалась отца. За два года до его смерти она не стала поступать в театральный институт (актриса – это не профессия). А поступила в Лесотехнический, чем отец очень гордился, но такая «практичность» поломала ее жизнь и искалечило судьбу. Через 10 лет, когда она поступала на актерский факультет, ее спросили, «где же вы были раньше», – и оставили на режиссерском факультете. Я же поступила, как и хотела, на филологический факультет МГУ и полжизни все искала работу, как и предсказывал

отец.

Не надо ссылаться на времена. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Во всем существует личностная вина или доблесть.

Странно, для того, чтобы это понять понадобилась целая жизнь. Как тут вновь не вспомнить Германа Гессе: «Я говорю то, в чем убедился на деле: передать можно другому знание, но не мудрость, Последнюю можно найти, проводить в жизнь, ею можно руководиться, с ее помощью можно творить чудеса; но передать ее словами, научить ей другого – нельзя.»

Мне не хватило смелости ни в чем. Ни в том, чтобы стать археологом, как я хотела изначально, потому что люблю даже запах истории, ее пыль, ее прах, ее смещение времени, ее актуальность для меня в тот момент, например, когда вижу надпись на раскопках дома в Иерусалиме: это дом имярек, и мы вспоминаем, что имя это звучит в Библии; потому что люблю путешествия без комфорта и вида из окна, а пешком, в пыли, чтобы копаться в прошлом и говорить с людьми, неважно, живыми или мертвыми. Потому что долго боялась писать, делая перерывы в несколько лет – ведь мое окружение пожимало плечами, – а жить не как все было страшно. Между тем я глубоко понимаю Ницше, вот отрывок «О чтении и писании»:

Из всего написанного я люблю только то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь

есть дух.

Нелегко понять чужую кровь: я ненавижу, читающих из праздности...

Некогда дух был Богом, потом сделался человеком, теперь же – станет чернью...

И еще:

Вы говорите мне: «Тяжело бремя жизни». Зачем же вам тогда ваша гордость утром и смирение вечером?

«Тяжело бремя жизни»: не прикидывайтесь такими неженками!

Все мы выносливы, как вьючные ослы.

Справедливые слова! В юности я бродила по многим дорогам с неким таким историко-туристическим кружком. Какие только приключения не сопровождали эти путешествия. И под лед зимой проваливались, промокшие, добирались до места ночевки. Скрывались от местных хулиганов в сугробах, чтобы не попасть в переделку. И ничего, не болели.

В юности влюблялась я постоянно, всегда несчастливо, переживала целые бури, зажав их в себе и боясь, чтобы они не вылились наружу. Но это мне мешало понять в каких дивных местах мы бываем, например, низовье Волги: широкая, огромная, водная гладь, бесконечный простор воды, берега, поросшие кувшинками и лилиями, воздух, который можно пить.

Я также до конца не понимала, с какими необычными

людьми сводила меня судьба. В маленьком Поволжском городке тихо жил человек, друживший с Аллилуевым. И в 15 лет, задолго до всех воспоминаний или книг Солженицына, прочитанного много позже, я узнала и о смерти Надежды Аллилуевой, и о гибели всего окружения Сталина, или, например, об эпизоде, когда Сталин оципал живого петуха, пока нес его с базара домой. Какого же было мое изумление, когда я прочла об этом случае у Марка Алданова, а потом у Искандера. Видно сцена так поразила спутников будущего вождя, что они разнесли историю по свету.

Там, в походах я впервые столкнулась со странным своим даром – чувствовать смещение времени. Произошло это в Орше. Вечером, сидя на высоком берегу реки и впервые слыша объяснение в любви, я вдруг физически почувствовала, как сместилось время, и длинный ряд моих возлюбленных предстал передо мной. Я так ничего и не смогла ответить на слова человека, которого до сих пор вспоминаю с теплым чувством, – слова первой любви, – потому что я увидела будущее.

В начале очень короткого пути, который кажется нам таким длинным, мы можем увидеть будущее, в конце – только вспоминать о прошлом. Наступает момент, когда мы чаще говорим с умершими, чем с живыми, и тогда уже все равно, жили ли они тысячу лет назад и донесли свои чувства, боль и печаль через слово, дарованное им Богом, или были твоими близкими друзьями, родными, возлюбленными. Каждый из

нас когда-нибудь будет повторять слова «Надгробной песни»
Ницше:

Там остров могил молчаливый; там могилы юности моей.
Туда отнесу я вечнозеленый венок жизни.

От могил ваших, возлюбленные покойники мои, доносится до меня сладкое благоухание, слезами облегчающее сердце мое. Поистине, аромат этот волнует душу и несет облегчение одинокому пловцу.

Я все еще богаче всех и до сих пор возбуждаю сильную зависть – я, одинокий! Ибо вы были со мною, а я и поныне с вами: скажите, кому падали с дерева такие румяные яблоки как мне?

– Поистине, слишком скоро умерли вы, беглецы.

Я не могу не поверить этим словам.

Знаки свыше ведут меня всю жизнь, но я притупила свою интуицию. Убив в юности какие-то тонкие материи, подаренные мне, я навсегда обрекла себя на некую душевную тупость, нерасторопность души, если можно так сказать.

«Все дни да будут священны для меня», – так говорила некогда мудрая юность моя; поистине, то была речь веселой мудрости!» (Ницше).

Но и в юности я наделала много непростительных ошибок, я не знаю – буду ли прощена. Сама я не могу простить себе, что уничтожила три страницы из рукописи отца, а их

было всего четыре. Мне в 16 лет они показались неинтересными, я решила, что по сохранившемуся плану напишу лучше. Отец перед самой смертью задумал написать историю своей, тогда большой семьи, некую сагу о Моргулисах, живших в Бердичеве. Вся большая «мишпаха» перед первой революцией в начале прошлого века перебралась в Одессу, и там прошла шумная, бурная и веселая юность детей дружной еврейской семьи, двоюродных братьев и сестер.

Семья Моргулисов.

Роман в трех частях.

У истоков.

Мираж

Кровью сердца.

Первая часть называлась «У истоков» и имела свой план.

1. Свадьба в Бердичеве.
2. Братья и сестры
3. Жизнь и мечты
4. Переезд Рахиль в Одессу
5. Одесса-мама
6. Михаил Григорьевич Моргулис и его семья.

8. Приезд семьи в Одессу в 1903 году. Погром в Кишиневе.

9. 1905 год и погром.

(Знаменитые погромы в Кишиневе и Одессе моя семья прочувствовала на своей шкуре)

10. Яша и работа на угольном портовом складе.

Об этом периоде я знаю только то, что отец, обожавший море, поспорив с двоюродным братом – Михаилом Моргулисом, – с которым будит дружить всю жизнь, поплыл в бурю к буйкам. Он доплыл. Но сердце не выдержало.

Порок сердца с тех пор мучил его всю жизнь.

А вот седьмой пункт очень меня удивил, учитывая материальной положение семьи. Пожилые родители умерли довольно рано. Примерно в начале 90-х годов XIX века. Младшей, Розе было тогда толь лет 10. Старшей, Рахили, моей бабке, значит 24. Но, возможно, они были моложе, когда остались одни. И вот Рахиль берет на себя заботу обо всех младших братьях и сестрах.

Она выучилась сама и подняла всю семью.

Отсюда и жесткость ее характера и непримиримость ко всему, что не нравилось ей.

Вот как выглядит пункт 7, из книги, так и не написанной моим отцом.

7. Учение Рахиль на курсах по акушерству, фельдшерству и массажу. Выпуск 1901 года. Швейцария, доктор Райх. (Ну

как могла моя бабка попасть на эти курсы?! Ведь они были бедны, образование в такой семье давали только мальчикам). А уже потом:

8. Приезд семьи в Одессу в 1903 году. Погром в Кишиневе.

9. 1905 год и погром.

10. Яша и работа на угольном портовом складе

На этом я прерву план так и ненаписанной отцом книги. Нет, потом я его продолжу, но сейчас мне хочется немного поразмышлять о том, как мы ленивы и нелюбопытны. Пока были живы носители этой старой семейной культуры и родового знания мы ничего не спрашивали у них. В своем молодом эгоизме мы были уверены, что жизнь, истинная, великолепная жизнь, именно нам дана, а все предыдущие поколения только почва для нашего появления, для нашего дыхания. Например, моя бабка со стороны отца, бабка Рахиль, обладала незаурядным характером, силой воли и умом. Вся беда заключалась в том, что она ненавидела весь окружающий ее мир. Единственным светом, любовью, счастьем был ее сын, мой отец. Свою сестру, нашу общую тетю – тетю Розу, она только терпела за любовь к своему сыну, всех остальных, включая меня, она ненавидела. Я появилась в доме, (о нем, о доме, отдельный рассказ), – я появилась в доме, когда мне исполнилось четыре года и сразу столкнулась с безгранич-

ной любовью отца, равнодушием тетки Розы и ненавистью бабки Рахиль. Раньше я просто думала, что она ревнует сына к моей матери, потому что отец ее, мою маму, очень любил, и только с возрастом поняла, что это была еще и ненависть к стране, к миру, который ее окружал и к тому строю, в котором она прожила вторую половину своей жизни.

Я помню как тогда, а это был 1953 год, часто по радио звучали Варшавянка или Интернационал, и я, как всякий ребенок, пыталась подпевать песне, которую слышала. Рахиль начинала трястись и кричать, чтобы я замолчала. Сквозь слезы я отвечала ей, что это песни революции, что вся страна их поет. Тогда я услышала ответ, который запомнила на всю жизнь, что мы, евреи, не имеем права участвовать в жизни страны, потому что, – чтобы здесь не происходило, – во всем будут виноваты евреи. Прошло много лет, прежде чем я осознала всю драматичную истинность и печаль этих русско-еврейских отношений. А тогда бабушка рассказала мне о том, что во время революции 1905 года она жила в Одессе. На одном конце города были баррикады, и рабочие противостояли полиции и армии. Она, Рахиль, конечно, была там, и как медсестра помогала раненым рабочим, а ее братья сражались на баррикадах. Это спасло им жизнь. Когда они вернулись в еврейский квартал, то увидели груды мертвых тел, разграбленные и сожженные дома, и те же рабочие, которых она только что перевязывала, с упоением тащили все, что можно было разграбить.

Тогда ребе сурово осудил еврейскую молодежь и сказал, что евреи должны заниматься наукой и торговлей, но не политикой, иначе все евреи будут уничтожены. Если учесть, что основная масса еврейства тогда жила в Российской империи, то ребе был абсолютно прав. Именно после революционных погромов 1905 года несколько миллионов евреев уехали из России в Америку и потом составили основу благополучия этой страны.

А теперь продолжим план той самой ненаписанной отцом книги.

11. Гриша и конфеты.

12. Моня и босяки

13. Коля и Моня

14;. Женитьба братьев и отъезд Мони в Австро-Венгрию.

Замужество Рахиль 1911 год. Николаев. А я думала 1912 год Бердичев!

15. Революция 1917 года. Февраль – Октябрь.

16. Австро-Венгерская оккупация Одессы (4-ая Станция).

17. Гражданская война (4-ая Станция)

18. Голод 1920-21 года. Жизнь у дяди. Южная.

Я не знаю, что за всем этим стоит, я не знаю, что хотел написать отец. Я только знаю, что где-то во времени и пространстве исчез мой дед Яков Кобылер, что в Австро-Венгрии должны были жить некие Моргулисы. Что с ними ста-

ло после 30-х годов; что в Америке живут некие Маргулисы, (перемена буквы – игра времени и грамматики), потомки знаменитого одесского адвоката, одного из многочисленных двоюродных братьев Моргулисов. Двое его детей – брат и сестра – одновременно повесились, как шепотом передавали в семье из-за случившегося инцеста. Остальную часть своей семье он после 1905 года увез в Америку.

Никогда не прощу себе, что уничтожила несколько страниц из ненаписанной отцом книги. Остался только листок, напечатанный на машинке. О, машинка это была его гордость. Новая «Оптим», 1956 года выпуска, единственное, что он завещал мне. Как будто чувствовал, что я попытаюсь что-то написать. Но ее продали, чтобы поставить памятник отцу, на кладбище в Мытищах, где, надеюсь, похоронят и меня.

Вот эта страница, написанная отцом.

«Наверное, всякая работа это каторга. Предвижу, что лицемеры, охотники поработать, ученые и прочие «знатные от работы» люди, накинутся на меня и с пеной у рта, будут ругать меня, доказывая, что только, мол, труд в поте лица дает удовлетворение, являясь основой жизни, прогресса и многих иных вещей, против которых трудно спорить.

Человек изобрел атомную и водородную бомбу, привел в движение космические силы природы, и в ужасе дрожит пе-

ред своими открытиями, которых он выпустил из бутылки, как в старину выпустил древнего духа зла.

Это было лет тридцать пять тому назад. В одно прекрасное летнее утро 1924 года. Еще не взошло солнце. Десятилетний мальчик, загорелый с выцветшими рыжевато-белыми от морской соли волосами, сбегал с большого обрыва к морскому берегу.

Удивительны эти высокие глиняные обрывы, возвышающиеся над морем в пригороде Одессы. Бескрайняя степь, полная запахов травы, соломы, цветов и созревающих под солнцем хлебов, бахчей, огородов, подсолнуха, вдруг обрывается на всем своем великом протяжении и подмытая морем, двумя крутыми глиняными уступами ниспадает в голубое море, несущее прохладу и чудесные, неведомые степи морские запахи соленой воды, водорослей, гниющих ракушек или как их тут называют – мидий».

Вот и все, что успел написать отец. Я понимаю, что он хотел сказать. Он хотел противопоставить красоту жизни бессмысленному труду, который приводит как к разрушению личности человека, так и к разрушению мира через блага цивилизации. Он поднимал вопрос, который стоит всегда очень остро. А что такое цивилизация, к чему она привела? Кроме того, это пишет человек, который всю жизнь трудился как каторжный, чтобы прокормить семью, а основное, творческое свое дело так и не довел до конца.

Как писал Ницше «Напрасен был всякий труд, в отраву обратилось вино наше, дурной глаз опалил наши поля и сердца».

Неужели все эти люди с их страстями, желаниями, недюжинным умом ушли, не оставив следа? И неужели же нет будущей жизни, там, где мы все встретимся и все поймем? Ведь только бессмертие души оправдывает все наше существование, все надежды, все чаяния.

«Высшая идея на земле лишь одна, – писал Достоевский, – и именно идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной ее вытекают». Вот почему я пытаюсь найти ту нишу, которую занимает мой род в бесконечной цепи генетической культуры человечества.

Одесса, о которой писал мой отец, – это Одесса Бабеля, то же время, те же герои. Наверное, дети из хорошей семьи жили несколько в другой обстановке, чем Бенья Крик, но это тот же город, его улицы и быт местечка. И погромы те же самые. Бабель описывает погром в Николаеве, но какая разница...

«Случай этот был еврейский погром, разразившийся в пятом году в Николаеве и в других городах еврейской черты оседлости. Толпа наемных убийц разграбила лавку моего отца и убила деда моего Шойла. Все это случилось без меня, я покупал в то утро голубей у охотника Ивана Никодимыча. Пять лет из прожитых мною десяти я всею силою души

мечтал о голубях, и вот когда я купил их, калека Макаренко разбил голубей на моем виске».

А в другом рассказе Бабель опишет мечту русского мужика.

Жид всякому виноват, – сказал он, – и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется. Сколько в свете жидов считается?

Десяток миллионов, – ответил я и стал взнуздывать коня.

Их двести тысяч останется, – вскричал мужик

Вот и Бунин в книге «Окаянные дни» вспоминает, как старый еврей сокрушается, что все режут друг друга, а потом будут говорить, что во всем виноваты евреи. «Я, – пишет Бунин, – видел и красных и белых. Евреев среди них единицы, но мы точно будем кричать, что во всем виноваты евреи, надо же оправдаться».

Вот история другой семьи, и произошла она через четверть века в 1941 году в Киеве. Семья моей подруги жила в самом центре Киева. Дед ее еще до революции был известным портным. И это портновское благополучие продолжалось и в 30-е годы. Платье ведь всегда шьют. Бабушка была дивной кулинаркой. Когда она пекла пироги, весь двор замирал. Дети знали, что вот-вот откроется дверь, и им вынесут пирожки, каждому достанется и не один... Немцы заняли Киев в 1941 году так быстро, что никто не успел уехать, кроме партийных работников. Молодой комсомольский во-

жак, живший в этом же доме, немедленно переоделся в форму полицаая, и теперь вместе с немцами обходил все квартиры, указывая, где живут евреи, он также спокойно указал и на их дверь, хотя еще несколько дней назад получал теплые пирожки из добрых рук. В Бабий Яр повели деда, бабу, мать моей подруги и ее сестру. Девочкам было 18 и 16 лет. Им повезло, их колонну конвоировали немцы, а не полицаи. Женщины сняли с себя все украшения, достали заветные запасы, и отдала немцам. Девочкам дали возможность убежать. Всю войну они батрачили за еду на хуторе... После войны девочки взяли русские имена, и в графе национальность они с сестрой написали – русские. Младшая вышла замуж и уехала в Москву, а вот ее сестра каждый день видела во дворе служебный автомобиль ответственного партийного работника, того самого полицаая, который отвел их родителей в Бабий Яр. Больше всего на свете они боялись, что им кто-то напомнит, что они евреи.

Над Бабьим Яром памятников нет...

Часть этой семьи, дети той сестры, что осталась в Киеве, уехали в Америку, сын московской сестры – в Германию, а здесь в России остались три несчастные женщины – старшая, пережившая Бабий Яр. Ее дочь и внучка... Больше потомков нет, евреи не выжили в России.

Так и наша семья. Все разбрелись по свету, здесь остались

те, кто накрепко, смертью и кровью, смешением племен связаны с землею, которая их отвергает.

* * *

Мой отец во времена борьбы с космополитизмом все пытался найти работу, достойную его ума и знаний, все писал автобиографии. Сейчас рассылают резюме, где главное все-таки показать свои навыки и знания, а тогда главным было доказать идеологическую правильность, что, впрочем, не всегда подтверждалось биографией, а главное – умение писать доносы, вот этого мой отец не умел. Один из моих знакомых написал в своей книге о тех временах: «Формула большевизма как неограниченной власти – жизнь ради уничтожения жизни во всем ее многообразии». (А.Викторов). Вот в такие времена отец писал о себе:

Кобылер Михаил Яковлевич.

Я родился в 1913 году в г. Одессе. Мать моя до революции работала массажисткой, а после революции швеей и медсестрой. Отец развелся с матерью до моего рождения. В 1923 году я поступил в школу, которую окончил в 1928 году. В 1929 году семья переехала в Москву, я поступил на работу на бумажную фабрику в начале в качестве помощника мастера, а потом мастером на копировальных машинах до 1932 г.

В 1933 г. я поступил в Историко-архивный институт ГАУ МВД СССР, который окончил в 1937 г. и был оставлен в ас-

пирантуре, которую окончил в 1941 г. В 1936 г. я начал учительскую работу в вечерних школах г. Москвы. С 1941 по 1945 год я работал начальником отделения госархива НКВД по Ошской области и одновременно преподавал историю в г. Ош. С 1946 по 1949 год я работал учителем истории в школе рабочей молодежи и зав. учебной частью. В 1949 году я тяжело заболел и был вынужден уехать в село Кельменцы УССР, где работал учителем истории и завучем школы рабочей молодежи до 1953 года. В это время тяжело заболела моя одинокая мать, и я был вынужден вернуться в Москву. Я женат и имею детей».

Здесь все полуправда. Отец пытается найти работу. Он хотел преподавать, он любил и умел это делать, но ему не позволили. Через двадцать лет после его смерти ко мне подошла незнакомая женщина и спросила: «А вы знаете, каким умницей был ваш отец?» Но в автобиографии он пишет не о том, что может, а что должно писать.

Он не пишет о том, почему уехал в село Кельменцы – тогда это была Западная Украина – а уехал, потому что в 1947 году началась борьба с космополитизмом. Моя мать еврейка, врач, не могла оставаться в Москве, и перед моим рождением отец отправил ее в г. Черновицы, где жила мать моей матери, бабушка Ида, а после моего рождения, когда мама получила назначение в Кельменцы, приехал к ней, преподавал историю и был завучем вечерней школы. Были и личные причины отъезда, в письмах родителей говорить только о

них. Мать вышла на работу, когда мне было две недели, отец потом часто рассказывал, как он шел со мной через весь поселок в местную больницу, где работала мать, чтобы она покормила меня, при этом он гордо говорил: «Я вскормил тебя грудью». Когда я подросла, он сажал меня к себе на шею и так шествовал со мной, – где бы мы не жили, – в Кельменцах или в Тайнинке. Он был высокий – метр девяносто – полный и казался огромным, поэтому, фигура усаживания меня на шею называлась «на слона». С высоты «слона» я обозревала весь мир, что, несомненно, было очень интересно. Вообще все в доме имели прозвища. Мама называлась обезьянкой, я обезьяной, облагороженной человеком, отец, конечно слонем, тетка Роза тигрицей, и только Рахиль прозвищ не имела.

Как я понимаю теперь, в глуши Молдавии – Кельменцы теперь, если я не ошибаюсь, относятся к Молдавии – в глуши Молдавии родители недолго были счастливы. Отцу пришлось уехать, потому что тяжело заболела его мать и тетка, никого не спросив, продала часть дома в Тайнинке. Тем самым она практически сократила жизнь всем обитателям дома и, в первую очередь, отцу. О доме я еще расскажу, а пока отец уезжает один, а мы не можем ехать с ним все по тем же политическим и семейным причинам. Помню только короткие наезды отца летом, видимо, в отпуск и какие-то эпизоды. Например, купания, что в деревенских условиях непросто. Но отец любил наливать горячую ванну, потом, наблю-

дая, как мать моет меня, пищащую от горячей воды, повторяет: «Запарим овцу, запарим овцу!» Или эпизод, запечатленный во мне как фотография. Отец лежит на раскладушке под распутившимся сливовым деревом, – в Кельменцах был у нас сливовый сад с клейкой смолой деревьев и зарослями травы под ними, – отец лежит на раскладушке такой большой, он даже не уместается на ней, а я подкрадываюсь со стороны головы с поленом в руках и хочу ударить его по голове, мне интересно: он такой огромный – почувствует что-нибудь или нет. Когда отец вскакивает и уличает меня, я совершенно спокойно объясняю ему свою задачу. Или такое воспоминание. Под окном возле крыльца цветет огромный розовый куст с дивным ароматом. Мать только что собрала с него лепестки, она сидит на крыльце и растирает листья для розового варенья, варенья из лепестков роз, а над домом и за домом, и за моей спиной над садом раскинулись огромная многоцветная радуга. Так прекрасно, что я вновь хочу подняться к небу, как ночью со звездами, или ясным утром в чистую синеву. Первое познание красок, звуков, запахов.

В марте 1953 года от отца из Москвы пришла телеграмма. Я в это время собирала клейкую смолу со слив и слушала, что кукует кукушка – весна в Молдавии ранняя. Мать вышла на крыльцо и сказала: «Отец пишет: и прочитала. – «Сталин умер. Возвращайся в Москву». На всю жизнь я запомнила текст этой телеграммы.

Лично меня она обрадовала. Во-первых, едем к отцу, во-вторых, в Москву, а значит, я больше не увижу местных детишек, они не хотели со мной играть, кидали в меня песком и кричали: -«Убирайся, Москалька»

Москва поразила меня встречей с родней, которую я не знала раньше, и непривычным для меня холодом. В июне 1953 года в Москве выпал снег. Холодное лето 53 года.

Я не могу сказать, что мать и тетка отца встретили меня дружелюбно. Я уже писала, что Рахиль ненавидела всех, – в том числе и меня, свою внучку, – кроме своего сына, которого она обожала, а после инсульта и потери памяти просто боготворила. Однажды, когда она уже стала ходить и речь частично вернулась к ней, кто-то из соседей подошел к ней, спросил о самочувствии и как поживает ее сын. Тогда она встала, руки в боки и закричала: «Вы не имеете права даже имя его произносить». Легенду об этом случае мне рассказывали все соседи. Тетка Роза тоже не любила меня, она любила мою старшую сестру, которую я только теперь узнала. Наташа, дочь моего отца от первого брака.

Вот Наташа, будучи на 10 лет старше, полюбила меня всей душой, всем своим огромным темпераментом, возилась со мной, воспитывала меня, и для меня не было большего счастья, чем приезды Наташи. Я вылетала на крыльцо и бросалась ей на шею. Наташа была то, что называется умница и красавица. Высокая, стройная, с пышными черными волосами и мраморным

лицом, она поражала не только внешностью, но и пылкостью натуры и незаурядным умом. Старомодные и странные понятия семьи во многом искалечили ее жизнь.

В детстве мне было хорошо в Тайнинке, в старом и странном доме. Любовь отца и Наташи, живой и странный дом компенсировали мне все. Мать я почти не видела в детстве. Так получилось, что именно ее заработок стал основным в семье. Отец уже был очень болен, а старухи все наши получали мизерную пенсию.

О чем это я пишу?

«И скальд опять чужую песню сложит, и как свою ее произнесет» (Осип Манделъштам).

Вообще все деньги, но и не только деньги, а и жизни нашей семьи съел дом, Старый Дом в поселке с названием – Тайнинка. Теперь это почти Москва, но до сих пор там остались реликтовые сосны, течет родниковая вода, а в детстве кажется, что там рай земной.

На самом деле – кусок земли, зажатый между Москвой и индустриальными Мытищами. Когда строили и выравнивали в начале 30-х Кремлевский комплекс, то снесли домик, купленный моей бабкой по приезду в Москву, а им дали болото. Шесть соток бывшего озера. В детстве моем помню старика-охотника, жившего в доме напротив. Высокий, сухопарый, с длинными усами он ходил всегда с двумя рыжими, как и он, охотничьими собаками, старик этот не раз говорил мне, какое глубокое и красивое озеро было на месте нашего

дома, и как он там уток стрелял. Но мои получили уже кусок болота в 1934 году. Засыпали его землей, построили сарай, в котором прожили целый год (сейчас в нем даже дрова сырые), а они прожили целый год, к дороге добирались на лодке, но строили свой дом, дом, который их съел. Не зря говорят, что на болоте не строят.

За то время, что строили дом, отец написал диссертацию о русских архивах эпохи Ивана Грозного, которая хранится у меня. В 1939 родилась Наташа, а 1940 году отца оперировали – оказалась доброкачественная опухоль мозга. Его прооперировали настолько удачно, что к нему вернулось зрение и работоспособность, но началась война, эвакуация в город Ош с архивами НКВД, и совсем другая жизнь.

Во время войны дом заняли чужие люди. За воротами располагался заградотряд СМЕРШа, стрелявший по своим, если они отступали, и это чудо, что дом выстоял и остался жив. После войны отец приложил все силы, чтобы убрать чужих людей, наверняка ему помогло то, что он в эвакуации заведовал архивами НКВД. Вот что пишет об этом доме моя дочь. «Это дом страшного одиночества. Он пропитан одиночеством: дедушки Миши, бабушки, мамы – всех, всех, кто в нем жил. Все они были одиноки. И в тоже время этот дом пропитан духовной работой этих людей. Поэтому в нем так хорошо и... одиноко. «Что-то серое жило в углу... сквозь себя процедив тишину и укутав квартиру в молчанье» – это одиночество. Но, к счастью, дом помнит и несколько лет, ко-

гда тут жило пять человек, и вместе мы не были одинокими. Нам было очень хорошо. Тогда мне было лет пять...»

А когда ей исполнилось семь лет, я уехала в московскую квартиру, разошлась с мужем, моя мать осталась одна после отъезда племянницы, дочери брата... Я помню печальную картину. Мать сидит у горящей печки, смотрит на огонь, а рядом очень печальный, тоже чувствующий одиночество, черный кот, и никакие наши частые приезды не могли изменить это одиночество. Как просить теперь прощение у них, как молить Бога за них? Только одна надежда, что для них рай существует...

Как много их упало в эту бездну...

«...в этой части вселенной, – пишет Павич, – время научилось останавливаться. Может быть, как раз здесь мы имеем дело с каким-то прирученным временем. Жизнь возможна только в таком времени, которое не мгновение остановилось, и невозможна тогда, когда оно течет неприрученным». Если развить эту знаменитую мысль, то можно сказать, что смерть – это продолжение свободного времени. Тогда мы вновь должны признать, что свободное, неприрученное, вольное время есть только у Бога, может быть, перейдя черту небытия, мы идем по дороге абсолютного времени к Нему?

Мои родители прожили вместе очень недолго – с 1943 года, когда они познакомились в эвакуации в Киргизском горо-

де Ош, и до смерти отца в 1958 году. Но и большую часть этого недолгого времени они провели в разлуке, может быть, поэтому их любовь, их страсть только возрастала. После окончания войны отец вместе с архивом НКВД вернулся в Москву. Так он потерял возможность преподавания в институте и надолго расстался с моей матерью, женщиной, которую он безмерно любил. Он отказался от места зав. кафедрой истории СССР в Ростове Великом, потому что в Москве его ждал Дом, который надо было спасти, обустроить и вызвать туда (а тогда в Москву можно было попасть только по вызову) любимую женщину, и начать новую жизнь после развода с первой женой, конфликты с которой были постоянными и непереносимыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.